

О материалистической концепции механизма открытий

Часть 3. Подсознание

УДК 50:1 (004)

Мы можем лишь сознательно пользоваться подсознанием подобно тому, как некогда пользовались термометром, не зная природы и смысла термина «температура». Если пользоваться образом сети (тонкой материи), в которую встроены все объекты Бытия, то подсознание творящего человека — это нечто вроде паука, чувствительного к малейшим ее «подрагиваниям» под действием крупиц информации. Так же как клетка ассимилирует неорганические компоненты питания в свое живое вещество, мышление улавливает и усваивает прежде чуждые, не относившиеся к нему компоненты.

Ключевые слова

Подсознание, сон, барьер, туннельный эффект, творческое напряжение, озарение.

Автор

Азинцев Сергей Ефимович — профессор кафедры математических и естественно-научных дисциплин Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища (РВВДКУ).

Платон и Фрейд

Что и как происходит в *подсознании*, неизвестно, что ясно из его названия. В связи с этим статью, казалось бы, следовало переименовать: как совместить какую бы то ни было концепцию с подобным объектом? Однако если механизмы явления неизвестны, но его корреляции выявлены, то это признак объективной реальности, игнорировать которую материализм не вправе, что косвенно подтверждает даже психология советского периода, спеленутая «материалистическим» консерватизмом. Единство сознательного и бессознательного, «взаимопе-

ра имеет *скачкообразный*, «пороговый» характер — вытесненное прорывается сквозь него в «потребном», искаженном виде. В работе [3] мы сопоставили эти находки психоанализа с потенциальными барьерами в физике, где помимо «перепрыгивания» частицей барьера встречается и «просачивание» сквозь него («туннельный эффект»). Это случается, когда приложенное напряжение сужает барьер, делая его «полупрозрачным». Возможно, творческое напряжение также сужает барьер между сознанием и подсознанием, а сон или гипноз снижают его «высоту».

ным появлением информации в сознании возникает подкупающая своей простотой модель озарения: информация *перескакивает* из подсознания в сознание, которому она кажется внезапной, новой, необычной и яркой. Если исходить из этого, мы вообще никогда ничего нового не открываем, а лишь «вытаскиваем» из подсознания известное. И все же привлекательность такой модели иллюзорна: она оставляет открытым важнейший вопрос: что именно и как попадает в подсознание, помимо проблем детства? Может ли из младенческих конфликтов возникнуть в сознании синхрофазотрон в качестве эфемерного их заместителя? Если может, если искажения *детского опыта* могут быть сколь угодно сложны, то дело тогда и не в нем — опыт служит лишь поводом, как тот топор в известной сказке, что был поводом для «щей из топора».

Творческое напряжение сужает барьер между сознанием и подсознанием, а сон или гипноз снижают его «высоту».

реплетенных и взаимосвязанных множеством *взаимопереходов* признавал, например, С.Л. Рубинштейн: бессознательным бывает молодое чувство, настроение, поступок; каждый акт сознания «резонирует» в бессознательном и наоборот и т.д. [1].

Каждый из нас прошел через детство, когда заставляют подавлять в себе те желания и побуждения, которые противоречат социальным табу (этическим, нравственным и др.). По Фрейду [2], возникающие из-за этого конфликты (как и другие сильные раздражения) вытесняются из сознания в подсознание. Если это так (а Фрейд приводит доказательства), то человек, иронизируя по поводу поведения страуса, ведет себя немногим лучше. «Страусиный песок» рассеивается в гипнотическом состоянии или во сне, и тогда появляется возможность «вытащить» подавляемое на поверхность (для лечебного воздействия). С помощью ассоциативных экспериментов того же можно добиться и в обычном состоянии пациента.

Если сопротивление сознания сильно, то преодоление барье-

Фрейд утверждает, что подсознание — это *основное ядро* (!) всякого «Я». В зависимости от соотношения сил, вступающих в конфликт между подсознанием и сознанием, человек может прийти либо к здоровью, либо к неврозам, либо к *компенсирующему высшему творчеству* (курсив наш). Интересный вывод: получается, что творчество — это замещение, сублимация конфликта! В сочетании со скачкообраз-

Зигмунд Фрейд

У Фрейда, правда, встречается утверждение, что подсознание содержит информацию еще и о прошлой *жизни*, но для подобной мысли уже не нужен Фрейд — она восходит к Платону или буддизму и вы-

водит обсуждение в иной пласт и на иной уровень. Ведь, согласно Платону, душа потому и томится в теле, что ее влечет небесный, потусторонний мир совершенных идей, о котором она *помнит*, поэтому настоящее знание — это на самом деле припоминание. То же проповедует и восточное мировоззрение: настоящее «Я» так безгранично, что его нельзя определить [4]. Подобные взгляды требуют обсуждения уже вне данной работы, так как явно выходят за рамки материалистической концепции, поэтому ограничимся более мягким предположени-

жала забегаящие слишком далеко, сохраняя лишь те из них, что сумели выстоять в ее повседневных «экзаменах». Неудивительно, что и сознание, возникшее на подобной базе, выработало охранительные механизмы. Однако если бы все сводилось *только* к консерватизму, то не было бы и развития. Поэтому, если многие из нас довольствуются лишь «огороженной крепостью сознания», то личности, условно говоря, с активированным «геном авантюризма» DRD4 такой локальностью тяготятся, чувствуя причастность к чему-то большему (в работе [5]

ратся на широкий спектр профессиональных навыков, на возможности профессионального сообщества, отбрасывать заблуждения, спекуляции, заведомо ложные траектории поиска и т.д. Это важно в периоды наращивания «критической массы» разнообразных, но относительно небольших новаций, а вот *принципиальным* прорывам может мешать — им нужен более широкий полигон, большая свобода, не так жестко скованная парадигмами и «матрицами» мышления профессиональной среды. Вот тут и выходит на арену подсознание, которое И. Кант называл «акушерской мысли».

Так же, как клетка ассимилирует неорганические компоненты питания в свое живое вещество, мышление улавливает и усваивает прежде чуждые, не относившиеся к нему компоненты.

ем: подсознание содержит много больше, чем детский опыт конфликтов, а «Я» от него отгорожено, словно в крепости, замкнуто в своей «самости» и обособленности.

По-своему это, конечно, полезно, как и всякий консерватизм. Сознание и должно защищать от постороннего вмешательства свои «наработки» и алгоритмические реакции, иначе будет плохо способствовать главной своей задаче: работать на выживаемость субъекта сознания. Консерватизм обеспечивает стабильность всякой системы, ограничивая слишком активные и разнонаправленные векторы развития. В электронных схемах его осуществляет отрицательная обратная связь, которая следит за выходным сигналом устройства и «гасит» его отклонения от заданного режима, изменяя сигнал на входе. В семье консервативные функции выполняет, как правило, жена, в человеческом обществе — большинство. Сама эволюция земной жизни всегда была строга к новациям и безжалостно уничто-

оно обозначено как «мировая сеть»). Это побуждает их открывать ворота в крепостной стене и совершать набеги в «дикий мир» находящейся вне «Я» скрытой информации. Страсть к творчеству — это страсть к целостности: «Я» жаждет воссоединиться со своей таинственной составляющей. «Столяр знания/ Шарит вздыбленным мозгом/ В золотой ночи мироздания/... Мир сквозь ум/ Точится в квадраты, триангли, диски/... Он умрет — и будут играть дети/ Безделушкой вечности». (Э. Верхарн «Столяр» — в экспериментальном сокращении М. Гаспарова.)

Профессионализм

Свой консерватизм есть и в творчестве, хотя термины выглядят антонимами. Он проявляется в том, что удерживает искателя в накатанных колеях профессионализма, не отпуская вожжи слишком далеко. Важность профессионализма трудно отрицать. Он позволяет, не распыляясь на иное, направлять ресурсы мозга на больший объем профессиональной информации, опи-

Подсознательным, интуитивным озарениям предшествует «переменчивость» представлений. Они «прыгают» или «плавают», «размывая» границы известного как «вперед», так и «назад», захватывая не свойственный данной области аппарат, не применяемые в ней образы и т.д. Поэтому существенные прорывы часто возникают *на стыке наук*: специалист в одной области, не будучи «зашоренным» жесткими правилами другой, обращается с ними свободнее, чем профессионал, и получает нетривиальный результат. В соответствии с известной шуткой непрофессионал не знает, что проблема не решается, и потому ее решает. Примеров не счесть. Вспомним *предпринимателя* Шлимана, далекого от истории и археологии, но руководимого слепой верой в Гомера и описаниями, содержащимися в «Илиаде». Здесь, конечно, важны увлеченность и настойчивость. Впрочем, в большинстве подобных случаев без профессиональных качеств все же не обойтись, другое дело, что их можно приобретать вне базового образования. *Астроном* Э. Хаббл и *математики* Г. Лейбниц и П. Ферма имели *юридическое* образование; *писатели* А. Чехов и М. Булгаков — *медицинское*; *математик* Л. Эйлер, а также *физики* Луи де Бройль и Ч. Таунс — *филологическое*; *кибернетик* Р. Эшби был

психиатром. Психологические особенности личности могут и профессионала привести к «незнанию того, что задача не решается». А. Эйнштейн на вопрос о природе своих выдающихся достижений как-то шутливо ответил, что он просто тугодум: то, что для других очевидно, у него вызывает вопросы. Действительно, при обучении он порой испытывал трудности и «проваливался», однако в этой его шутке — только доля шутки.

Какие «отзвуки» и «следы» Бытия способно «пустить в оборот» вопрошающее сознание, зависит от его развития. Человек с неразвитым слухом не в состоянии оценить мелодию, не знающий фи-

змом по разным каналам, в том числе, возможно, таким, идентифицировать которые мы сейчас не в состоянии. Диаметр «ограды» (фрейдовского «барьера»), окружающей сознание, растет, она соприкасается все с большим количеством все более глубоких тайн Бытия, которые извне «ударяют» и отражаются от нее. Изнутри действуют напряжение творческой интенции и профессиональные «инструменты», понижающие барьер и уменьшающие его «плотность». В результате подсознание, выскакивающее за пределы барьера, улавливает какие-то «отклики», какое-то «эхо» искомого. «Только кроки, пунктиры и крохи./ Только след от падучей в ночи./ И, каким ни прилепишься боком,/ Ускользают созвездий лучи...» (из стихотворения автора). Если пользоваться образом сети (тонкой материи), в которую встроены все объекты бытия [5], то подсознание творящего человека — это нечто вроде паука, чувствительного к малейшим ее «подрагиваниям» под действием крупиц информации.

Так же, как клетка ассимилирует неорганические компоненты питания в свое живое вещество, мышление улавливает и усваивает прежде чуждые, не относившиеся к нему компоненты. Здесь важно, чтобы тип креативности творческой личности включал (по Торренсу) «сопротивление замыканию», то есть способность выходить из стереотипов и быть открытым для разнообразной поступающей извне информации.

Итак, похоже, что все-таки существуют некие *внешние* источники, позволяющие открытой системе, именуемой «мозг», наращивать информацию, то есть понижать энтропию. Не только Платон, но и Декарт, Спиноза и Лейбниц отмечали, что есть истины, которые ум обнаруживает вне логики — непосредственным интеллектуальным созерцанием («созерцание» — это как раз перевод с латинского слова «интуиция»,

которое в русском языке приобрело иной оттенок). Интуитивные озарения эти мыслители считали *высшей формой* познания. Об этом же и А. Эйнштейн («Мое кредо»): «Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, — это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке».

И тут мы обязаны реабилитировать профессионализм. Его упомянутый выше консерватизм — лишь одна сторона медали, другая — наработки взаимодействия сознания с подсознанием. Постоянная напряженная работа сознания физика, писателя или композитора активирует и «проторяет» каналы этого взаимодействия, повышает его объем и скорость, доводя его «короткие замыкания» до алгоритмического автоматизма, подобного действиям наборщика текста или автомобилиста. Этот «подсознательный автоматизм» вовлечения подсознания сначала формируется на уровне обучения и затем закрепляется в профессиональной практике. В отсутствие подобных навыков «выстреливаемое» из подсознания либо вовсе не распознается, либо воспринимается как чуждое. С таким дополнением (уточнением) и в таком контексте мы можем принять тезис Фрейда: проницаемость барьера между сознанием и подсознанием может вести либо к неврозам, либо к творчеству. Таким образом, сцепка «сознание-подсознание» — это дорога с двусторонним движением: не только подсознательные акты влияют на сознание, но и, наоборот, — *сознательная* творческая деятельность влияет на *подсознание* и активирует его, превращая в постоянную «питательную» среду для творческих актов. Правда, понимание важности такой *практики* ничего, по-видимому, не дает для *теории*, на основе которой можно было бы достичь формализации (алгоритмизации) этих важных процессов. По-

зика не поймет уравнение Шредингера, а не знающий иностранного языка не сможет оценить написанное на нем стихотворение. Мозг новорожденного и связанное с ним мышление — это плодотворная диссипативная система, но она остается лишь почвой, «болванкой», пока на ней не «запишут» жизненно и духовно важные «аттракторы» и «фреймы». Чем они сложнее, тем в большем числе связей задействованы, тем больше объем и выше уровень информации, воспринимаемой

прежнему Тайна Сия Велика Есть. Пока же мы можем лишь *сознательно* пользоваться *подсознанием*, подобно тому, как некогда пользовались термометром, не зная природы и смысла термина «температура».

Медитация

Один из практических методов включения подсознания состоит в искусственном отключении напряженной мысли — своеобразном переключении, подобном работе триггера. Известно,

что решить задачу «прямой атаки» бывает сложно — полезно ее отложить, вяло наблюдая за ходом свободно плавающей мысли как бы со стороны, как бы не на «пике», а на «краю» проблемы. Ресурсы подтянуты предварительными усилиями, барьер снижен, а дистанцирование передает «роды» кантовской «акушерке мысли». Г. Гельмгольц, Дж. Уотсон, А. Пуанкаре свидетельствуют, что для «осенения мысли» наряду

с большой предварительной работой нужны прогулки и отвлечения, Эйнштейн прибегал к игре на скрипке... Не только великим, но и любому мыслящему человеку знакомы периоды, когда внутри что-то неосознанно «варится», увязывается, пока не «выстреливает» вдруг в сознание ключевым словом, схемой или образом. Повод может оказаться каким угодно.

«Чтобы войти в деятельный разум, — говорит современный индийский проповедник Ошо, — тебе не нужно больше информации, нужно больше медитации... Из-за своего интеллекта ты остаешься закрытым у себя внутри, цепляясь за свои глупые заключения» [4]. Подобные высказывания восходят к восточной рели-

тебя достичь, лишь когда ты восприимчив, по-женски восприимчив» [4]. Кстати, восточная традиция требует принимать при этом определенные позы, по-видимому, выявив за тысячелетия некие связи психики с физиологией.

Однако такое «действие через бездействие» (которому Лао-цзы дал название вэй-ву-вэй) не просто содержит *компонент* внешнего вмешательства, но уже не содержит ничего иного, сводя творчество *только к нему*. Однако можно ли исключать содержание, состояние и интенцию собственного сознания, низводя людей до антенн, которым достаточно стать «полым бамбуком»? Если материалист полагает, что для открытия не требует-

Если материалист полагает, что для открытия не требуется ничего, кроме мышления, то буддист считает ровно наоборот: мышление вредно — все дает Бог.

гиозной философии: для вхождения в Дао она требует от человека не напряжения, а, наоборот, полной расслабленности. Как говорил еще Лао-цзы, «...в предметах только пустота приносит пользу». Ошо продолжает ту же линию: творчество — это парадоксальное состояние сознания, которое требует не «делания», а «разрешения». «Нужно стать проходным... полым бамбуком. И тогда немедленно что-то начинает происходить, потому что за человеком скрывается Бог... Позволить Богу случиться есть творчество. Творчество — это религиозное состояние... Настоящий творец ничего не создает, существование работает через него. Оно овладевает им, его руками, его существом и создает нечто через него. Он становится инструментом... Ты становишься просто проводником — пассивностью, восприимчивостью, утробой... Бог может

ничего, кроме мышления, то буддист считает ровно наоборот: мышление вредно — все дает Бог. Мы же выбираем нечто среднее между этими крайностями: в медитации есть смысл, если сознание подготовило базу, достигнув пределов своих возможностей. Все, что течет через неподготовленную «бамбуковую полость», так и протечет нераспознанным, нечем будет зацепиться. Кстати, дзэн-буддизм практикует еще и активные компоненты: на человека, погруженного в медитацию, обрушивают толчки и окрики, а также ведутся особые диалоги, где пользуются обрывками его мыслей и отдельными словами. Затем, дав волю воображению, в них ищут скрытый смысл.

Опосредованные озарения

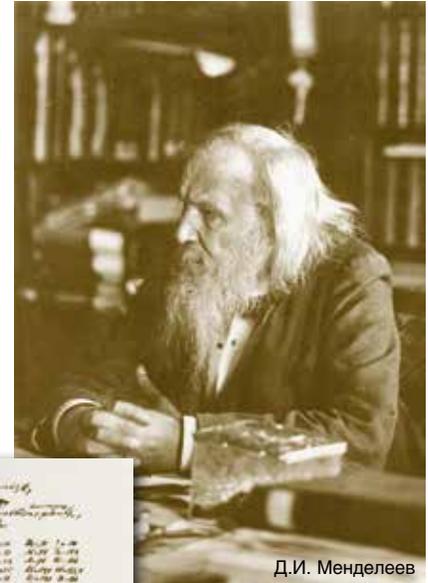
Нечто похожее происходит и при нынешних «мозговых штурмах»,

где по возможности свободно проявляется уже не одно, а множество сознаний — с разными видениями поставленной проблемы. При этом важно присутствие холодного аналитика, способного вычленивать в потоках сознаний «затравки» и рациональные «зерна», содержащиеся в аналогиях, метафорах, образах и прочих плодах «фасеточного зрения» коллективного фантазера. В такой обстановке проявляются не только индивидуальные особенности, но и взаимовлияние, что сродни коллективному составлению красочной мозаики или разгадыванию текста, где каждый угадывает «свои», чем-то привлекающие его буквы. Это повышает вероятность распознавания текста во всем его многообразии.

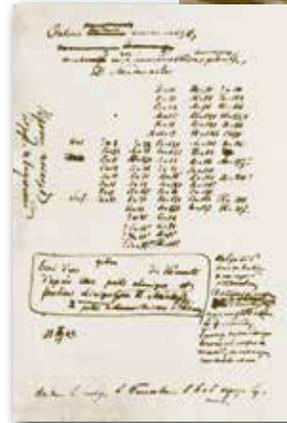
Известно, что коллектив (целое) — нечто большее, чем сумма его частей. На более низких уровнях это проявляется в когерентном поведении амеб, пчел и термитов, не сводимом к сумме возможностей отдельных особей. В совместном творчестве мышление взаимодействует с Бытием не только непосредственно, но и через другие творческие мышления, опосредованно. Если пользоваться прежним образом, то здесь не один паук в узле сети — каждый чувствует малейшие воздействия на интуитивную «паутину» не только Бытия, но и соседей по охоте.

По-видимому, есть нечто общее в механизме туннелирования в разные сознания не оформленных знаками или различимыми образами подсознательных осколков информации. Это проявляется и при межличностном общении (мать — ребенок, мужчина — женщина, учитель — ученик и т.д.). Возможно, этот механизм формируется еще в утробе матери. Конечно, влияние на плод рода занятий и эмоционального состояния матери происходит прежде всего на биохимическом уровне, но нельзя исключать и иных каналов. Ведь после рожде-

ния ребенок уже разрывает с ней биохимическую связь, *еще* не распознает язык, но черпать информацию не прекращает: среди ее источников не только мать, но и Бытие в целом. Тут, однако, начинаются вмешательства: внимание ребенка переключают «куда следует», часто «бьют по рукам», а «лишние» каналы «зашлаковывают», избирательно влияя не только на содержание информации, но и на механизмы ее отбора и усвоения. Из всего многообразия Бытия в пользование ребенку навязывают лишь отдельные сегменты, нашпигованные указаниями и запретами. Исходя из *собственных* целей, социум снабжает новую «деталь общего механизма» упакованной и готовой к употреблению алгоритмической информацией («в таких-то случаях делай то-то!»), оставляя все меньше интуитивного. Из сознания ребенка вытесняются вовсе не только фрейдовские конфликты, но и явления природы, и другие объекты Бытия, и драгоценный опыт их осознания и самосознания. Соответственно в подсознании оказывается отгороженной гораздо более богатая информация, чем утверждает Фрейд. Там «осколки» и «отзвуки» опыта человечества и «следы» Бытия — информация поступает из всей безграничности мира. Это обогащает *потенции* подсознания в отношении творчества, если человек окажется способным выходить за рамки стандартов. В таких случаях социум иногда «спохватывается» и начинает возвращать ребенка к забытому — тому, чем он был оснащен изначально: обращению с неформализованной информацией. В такой последовательности можно усмотреть и разумное начало: ребенок обогатил свой «полый бамбук» и теперь способен дифференцировать приходящее в потоке, но есть и опас-

Д.И. Менделеев

ность растерять чувствительность к невяному. Если обучение поставлено правильно и потенции ребенка не уничтожены, он развивает структурирование сознания для работы с «пусто-

тами», намеками, «осколками» — навыки, ведущие к озарениям. По механизму «туннелирования» информации в мышление хорошее обучение похоже на то, чем заняты ученый и художник (чем более похоже, тем эффективнее образование).

Не только в педагогике младшего возраста, но и применительно к любому творчеству — учебному или реальному — уместно представление о «зоне ближайшего развития». В соответствии с ним плодотворны только те задания, которые несколько сложнее обычных: более легкие кразвитию не ведут и понижают мотивацию учения, а слишком сложные человеку не по силам, он их не воспринимает, что также влияет на мотивацию. В отличие от истинного творчества процесс обучения поддается любой организации, но предпочтение следует отдавать той, которая адекватна оптимальной траектории к поставлен-

Рафаэль Санти

«Голова молодого апостола»

ной цели. В отличие от истинного творчества варибельность методик здесь может опираться на *известный* конечный результат. Разумеется, подобная деятельность — лишь *имитация* творчества, однако оно не только представляется истинным его субъекту, ученику, но в каком-то смысле таковым и является. Подобное обучение прививает навыки и формирует вкус к индивидуальным открытиям (независимо от их масштаба), и если, несмотря на издержки образования, интенции такого рода остаются живыми, то распространяются потом и на уровни истинного творчества.

Взаимовлияние творческих личностей внутри профессиональных групп — это в какой-то мере проекция и дальнейшее развитие учебной творческой атмосферы. Отсюда повышенная продуктивность профессионалов, оказавшихся в одно время в одном месте: художников (парижский Монмартр), математиков (немецкий Геттинген), физиков (школы Н. Бора, А. Иоффе) и т.д. Отсюда дополнительные творческие

импульсы у тех, кто общается на научных семинарах, конференциях и в сети Интернет. Отсюда же одновременность появления идей в разных головах и, соответственно, проблемы приоритета: Попов — Маркони (радио); Лейбниц — Ньютон (математический анализ); Эйнштейн — Пуанкаре — Лоренц (теория относительности) и т.д. Существует, по-видимому, и своего рода межпрофессиональное «когерентное» взаимодействие. Тот же Зигмунд Фрейд вторгся в подсознание практически одновременно с проникновением человека в структуру атома и даже его ядра, а в 60-е годы прошлого века параллельно произошли прорыв в космос и в глубины Земли (сверхглубокая скважина на Кольском полуострове).

Говоря о побочных стимулах к озарениям, трудно избежать упоминания и о «творческой» роли возбудителей (алкоголь, кофе, табак, наркотики), поскольку они способствуют выходу сознания в пограничное состояние, что позволяет разбивать привычную «колею» и устраивать «пикник на обочине». Физиологическую и социальную опасность этого тысячелетнего зла заслоняет стремление к успеху. Среди его жертв — Джон Леннон, Льюис Кэрролл, Шарль Бодлер, Михаил Булгаков, Владимир Высоцкий и многие другие.

Надо сказать, что творческие вершины и без искусственных возбудителей весьма далеки от психофизической «нормы» и чреватые психологическим срывом. А. Эйнштейн, например, в период разработки теории относительности доходил до галлюцинаций. В состоянии вдохновения и экстаза, по выраже-

нию А.Б. Мигдала, «смешиваются сознание и подсознание»: сознательное мышление продолжает-ся во сне, а подсознательное — наяву. Об этом говорят не только «практики вдохновения», но и психологи: «...малоосознанные потребности и тенденции проявляются... в виде непроизвольной трансформации образов; особенно часто это случается в дремотных состояниях и сновидениях» [1]. Сон, правда, в контексте нашей темы имеет и другие особенности, достойные отдельного обсуждения.

Сновидения

Значимость сновидений отмечают издревле: еще в Упанишадах говорится, что во сне жизненное начало «достигает самого себя». Без тени сомнений сновидениям приписывают *внешнее* происхождение. Платон и Аристотель предлагали извлекать из снов предвещание будущего, по Плутарху, императора Августа вещий сон спас, а Юлия Цезаря нет, поскольку тот не придал ему должного значения. Надо ли говорить об ответственности древнего толкователя снов, которому судьба уготовила не только награды?

О том, что Бог общается с избранными через их сны, говорится и в Библии: «...Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши» (Иоил 2:28); «Бог говорит... в ночном видении, когда сон находится на людей, во время дремоты на ложе. Тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление...» (Иов 33:14 и далее). Известные примеры библейских пророчеств — сон Якова о лестнице, ведущей в небо, сны Иосифа о поклонении ему снопов, звезд и его собственные знаменитые толкования — сначала снов хлебодара и виночерпия, а потом и самого фараона. Примерами вещих снов пестрит не только богословие, но и светская история. Пророческое значение снам приписывали Гете, Шекспир, Наполеон. Всевозможные сонники,

сайты-толкователи и психоаналитики популярны до сих пор.

Чем феномен снов интересен для нашей темы? Во-первых, *сама вера* в их предсказательную силу вносит в поведение человека элемент запрограммированности. Во-вторых, если сон «рисует» будущее приблизительно или иносказательно, то это оставляет простор для «подгонки» сна под свершившееся. В-третьих, сны могут быть производными не только от *внешних* причин. Некоторые из них, например, повторяются, указывая на наличие так и не разрешенной проблемы или некоего состояния — скажем, сны-полеты свидетельствуют о позитивном динамизме сознания. В-четвертых, сон сродни медитации, но уже не искусственной, а заложенной самой природой. Как и при медитации, мозг во время сна отдыхает только в обычном смысле, но продолжает

Сон Якова

Зигмунд Фрейд вторгся в подсознание практически одновременно с проникновением человека в структуру атома и даже его ядра, а в 60-е годы прошлого века параллельно произошли прорыв в космос и в глубины Земли (сверхглубокая скважина на Кольском полуострове).

работать в неосознанной форме, «прокручивая» проблему в разных комбинациях.

Человек не скован помехами дня, консервативными «матрицами» мышления и колеями направленностей, из которых не мог выскочить, вследствие инерции, профессиональных стереотипов или усталости. Во сне барьеры понижены, комбинаторика свободнее и богаче. Тут и отдыхающее сознание, и неожиданные «прострелы»-связи между объектами, и незапный «выход на поверхность» уже созревшего решения, кото-

рое днем невозможно было вытащить из-под завалов мыслительного и житейского «хлама» — оно не находило понятийной или образной завершенности. Возможно, во сне задействованы и резервы мозга, что выходит за пределы тех 5–7% , которыми мы пользуемся в сознании. Отсюда и плодотворность сна: к Рафаэлю приходит рисунок, к Шлиману — местонахождение Трои, к Шуману и Вагнеру — мелодии, к Диккенсу — сюжеты.

Известно, что в структуре сна чередуются «медленная» и «бы-

страя» фазы. Первая посвящена отдыху, тестированию физического состояния органов, восстановлению иммунитета и т.д. Здесь случаются ужасы и разговоры во сне, которых человек почти не помнит. Быстрый сон наступает после медленного и по электрической активности мозга напоминает бодрствование. Он-то и осуществляет доработку неисполненного, неснятых конфликтов, укоров совести и т.п. От пробуждения спасает такое «хитрое» сновидение, в котором причина тревоги заменена менее серьезной, проблема снимается, а желание удовлетворяется либо прямо, либо иносказательно. Если спящего в это время разбудить, то в 90% случаев можно услышать рассказ о ярком сновидении. Последний быстрый сон возникает перед пробуждением. Именно он запоминается и подвергается затем толкованиям.

С учетом потребности во сне (медитации) человек проигрывает компьютеру: тому чужды отвлекающие мысли и страсти, отдых не требуется, а тестирование систем может осуществляться когда угодно. Однако в этом же человек и выигрывает: компьютер скован алгоритмами, *подсознательная* свобода творчества ему недоступна. Не правда ли, в этих сопоставлениях просматривается некая шизофрения: делая все возможное, чтобы создать себе полноценную замену, творящие и пишущие (включая автора) радуются, что этого пока не произошло. ■

ПЭС 12197/30.12.2012

Литература

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 1. М.: Педагогика, 1989.
2. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989.
3. Азинцев С.Е. Озарения. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Рязань: Пресса, 2006.
4. Ошо. Творчество. СПб.: Весь, 2004.
5. Азинцев С.Е. В сети // Экономические стратегии. 2011. № 7–8. С. 112–119; № 9. С. 92–101.